

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Краснов Евгений Валерьевич

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЛИЧНОСТНОЙ
РЕГУЛЯЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ**

19.00.01 – Общая психология, психология личности,
история психологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре общей психологии факультета психологии
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Московский государственный университет имени
М.В.Ломоносова»

Научный руководитель: **Корнилова Татьяна Васильевна** –
доктор психологических наук, профессор.

Официальные оппоненты: **Сергиенко Елена Алексеевна** –
доктор психологических наук, профессор;
главный научный сотрудник ФГБУН «Институт
психологии РАН»;

Меньшикова Галина Яковлевна –
доктор психологических наук; заведующий
лабораторией психологии восприятия факультета
психологии ФГБОУ ВО «МГУ имени
М.В.Ломоносова»;

Демидов Александр Александрович –
кандидат психологических наук; доцент кафедры
общей психологии НОУ ВО «Московский
институт психоанализа».

Защита состоится 14 декабря 2018 г. в 15.00 на заседании диссертационного
совета МГУ.19.03 в ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова» по адресу: 125009, г. Москва, ул. Моховая, дом 11,
строение 9, аудитория 215.

E-mail: us@psy.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени
М.В.Ломоносова (г. Москва, Ломоносовский просп., д. 27); на сайте ИАС
«ИСТИНА» (<https://istina.msu.ru/dissertations/151506539/>); на сайте Научно-
консультативного совета РАО и РПО (<http://psy-science-council.ru/dissertaions/index.php?section=426>).

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета МГУ.19.03,
кандидат психологических наук

А.С. Кузнецова

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Исследования эмоционального интеллекта (ЭИ) появились в начале 1990-х годов, и в настоящее время этот конструкт утвердился как психологическое понятие. Интерес к нему связан как со стремлением целостно оценить способности человека понимать свои и чужие эмоции, управлять ими, эмоционально взаимодействовать с окружающими, так и с возможностями предсказания успешности различных видов деятельности (И.Н. Андреева, Д. Гоулман, Д. Карузо, Д.В. Люсин, Дж. Мэйер, П. Сэловей, Е.А. Сергиенко и др.).

Несмотря на установление многочисленных эмпирических закономерностей, роль ЭИ в принятии решений пока недостаточно изучена. Принятие решений связывают и с практическим мышлением (Теплов, 1943), и с практическим интеллектом (Стернберг и др., 2002), в том числе с успешностью межличностных взаимодействий. Д.В. Ушаков обосновал, с одной стороны самостоятельность, с другой – пересечение конструктов эмоционального, социального и практического интеллекта (Ушаков, 2004).

Проблематичным остается понимание ЭИ как когнитивной способности или личностного свойства. В психологии разрабатываются модели способностей (Mayer, Salovey, 1990, 1997; и др.), предполагающие взаимодействие когнитивных и эмоциональных компонентов, а также смешанные модели (Bar-On, 2006; Гоулман, 2008; и др.), включающие личностные характеристики.

В российской психологии обращение к ЭИ подготовлено утвердившейся в культурно-исторической психологии идеей единства интеллекта и аффекта (Выготский, 2005; Тихомиров, 1984). В работах ведущих отечественных психологов одним из фокусов изучения была регуляторная функция эмоций, в частности, в познании (Леонтьев, 1972; Рубинштейн, 2000).

Конструкт «интеллектуальные чувства» представлен в смысловой теории мышления (Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980). Термин Г. Майера «эмоциональное мышление» также предполагал эмоциональную регуляцию

мышления (Maier, 1908). Конструкт ЭИ изначально связан с множественными теориями интеллекта, в частности, с выделением внутриличностного и межличностного интеллектов (Гарднер, 2007).

В отечественных исследованиях по теме ЭИ представлены работы, посвященные измерению способности к распознаванию эмоций (Лицо человека, 2012; Люсин, Овсянникова, 2013; Сергиенко, Ветрова, 2010; и др.), роли ЭИ в вербализации эмоций, связи ЭИ с академическим интеллектом, креативностью, «психологической разумностью» и т. д. Однако регулятивная роль ЭИ в принятии решений (ПР) изучена недостаточно (Корнилова, 2016а).

В ситуациях межличностных взаимодействий при принятии решений в управленческой деятельности ЭИ выполняет продуктивную роль (Врис, 2013; Карузо, Сэловей, 2016; Стэйн, Бук, 2007 и др.). В условиях неопределенности человек опирается на весь интеллектуально-личностный потенциал; и роль ЭИ возрастает, поскольку фокусирует и когнитивные и эмоциональные компоненты ориентировки личности в условиях неопределенности.

В ситуации принятия решений (ПР) как выбора в условиях неопределенности (Decision making), в отличие от решения проблем (Problem solving), стратегии человека менее развернуты, что затрудняет выявление их регулятивных компонентов и требует разработки специальных методик.

Развивающаяся в последние годы психология неопределенности (А.Г. Асмолов, В.П. Зинченко, Т.В. Корнилова, Д.А. Леонтьев, Г.У. Солдатова, М.А. Чумакова и др.) включает в круг своих проблем интеллектуальную и личностную регуляцию выбора в условиях неопределенности, что создает предпосылки анализа роли ЭИ в ПР у лиц различных профессий. В противовес дихотомии рационального-иррационального выборов в концепции множественной многоуровневой регуляции ПР идея единства интеллекта и аффекта развивается в представлениях о динамическом единстве процессов когнитивной и личностной регуляции решений человека (Корнилова, 2005, 2013, 2016а) и динамическом контроле неопределенности при решении прогностических задач (Смирнов, Чумакова, Корнилова, 2016).

В большинстве видов профессиональной деятельности разрешение ситуаций неопределенности предполагает не только превосходящую активность и самостоятельные выборы, но также зависимость их от ситуаций, влияющих на процессы целеобразования. Для военных руководителей – это строгая зависимость от нормативных рамок ситуаций в диаде «начальник-подчиненный». И роль ЭИ в принятии ими решений может иметь специфику.

Основной **целью** настоящей работы является определение взаимосвязей эмоционального интеллекта с другими составляющими интеллектуально-личностного потенциала военных руководителей: интеллектом, личностными чертами, отношением к неопределенности и риску, а также выявление регулятивной роли этих психологических переменных в решении прогностических задач.

Объект исследования: эмоциональный интеллект, академический интеллект и отношение к неопределенности и риску в психологическом профиле военных руководителей среднего звена и при принятии ими решений.

Предмет исследования: связи эмоционального интеллекта и других составляющих интеллектуально-личностного потенциала с направленностью личностного выбора военных руководителей среднего звена в моделируемой предметной ситуации взаимодействия с другими и с характеристиками стратегий многоэтапных выборов в динамически изменяющейся ситуации неопределенности (на материале игровой задачи).

Общие гипотезы исследования

1. Эмоциональный интеллект включен в регуляцию прогностической активности, опосредствующей принятие решений, как в моделируемых условиях многоэтапных стратегий, так и в вербальных задачах, репрезентирующих ситуации взаимодействия в служебной деятельности.

2. Эмоциональный интеллект выступает предиктором продуктивного принятия решения как выбора, разрешающего ситуацию неопределенности.

3. Эмоциональный интеллект включен в регуляцию стратегий принятия решений наряду с академическим интеллектом и другими личностными

свойствами – стабильными чертами, свойствами саморегуляции и отражающими отношение к неопределенности и риску.

Частные гипотезы

1. Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности выступают в качестве предикторов использования эмоциональной информации в зависимости от ситуационного контекста, включающего межличностные взаимодействия в рамках служебной деятельности.

2. Эмоциональный интеллект, толерантность к неопределенности, рациональность и свойства саморегуляции выступают в качестве предикторов результативности профессиональной деятельности военных руководителей.

3. Рисуночные подсказки, ориентирующие на использование эмоциональной информации, способствуют продуктивному личностному выбору.

4. Эмоциональный и академический интеллект, а также другие личностные свойства могут выступать предикторами показателей стратегий принятия решений в прогностических задачах с динамически изменяющимися условиями неопределенности (в Игровой задаче Айова).

5. Показатели множественных решений на первых этапах выполнения прогностической задачи, максимально неопределенных с точки зрения образа ситуации, могут выступать предикторами позитивного учета эмоционального контекста и направленности на разрешение ситуации выбора в других задачах – моделирующих профессиональные взаимодействия участников.

6. Военные руководители среднего звена с более высокими показателями эмоционального интеллекта (ЭИ) и готовности к риску могут проявлять «неоправданный оптимизм» – снижение оценок воспринимаемого риска.

Задачи исследования

1. Установление связей ЭИ военных руководителей с другими составляющими их интеллектуально-личностного потенциала (академическим интеллектом, показателями саморегуляции, чертами Большой пятерки,

толерантности-интолерантности к неопределенности, субъективной рациональностью и готовностью к риску).

2. Проверка гипотез о роли ЭИ и отношения к неопределенности и риску как предикторов результативности деятельности военнослужащих.

3. Разработка методики эмоциональных предвосхищений (МЭП), включающей условия подсказки для использования эмоциональной информации при выборах человека в ситуациях служебной деятельности, и анализ связей этих выборов с ЭИ и названными психологическими переменными (академическим интеллектом, показателями саморегуляции, чертами Большой пятерки, толерантности-интолерантности к неопределенности, субъективной рациональностью и готовностью к риску).

4. Разработка методики выявления когнитивных репрезентаций риска у военных руководителей среднего звена.

5. Проверка гипотез о роли ЭИ, толерантности-интолерантности к неопределенности, свойств саморегуляции, готовности к риску, интеллекта и личностных черт как предикторов стратегий многоэтапных выборов при выполнении прогностической задачи (Игровая задача Айова).

6. Проверка гипотез о связях когнитивных репрезентаций риска с ЭИ, академическим интеллектом, свойствами саморегуляции, готовностью к риску, рациональностью и толерантностью-интолерантностью к неопределенности.

Методологические основы исследования

Исследование проводилось с опорой на положения культурно-исторической концепции о единстве интеллекта и аффекта (Л.С. Выготский, О.К. Тихомиров); психологию неопределенности и подходы к пониманию предвосхищающей активности (А.Г. Асмолов, А.В. Брушлинский, В.П. Зинченко, В.А. Иванников, Т.В. Корнилова, Е.А. Сергиенко, С.Д. Смирнов, Г.У. Солдатова и др.); смысловую теорию мышления О.К. Тихомирова и модели личностной регуляции выборов (Т.В. Корнилова, Д.А. Леонтьев; и др.); модель единого функционирования единого интеллектуально-личностного потенциала человека и множественной

многоуровневой регуляции решений и выборов личности (Т.В. Корнилова); концепции эмоционального интеллекта; понятие образа мира как основы динамического контроля неопределенности (С.Д. Смирнов).

Методы и методики исследования

В работе реализованы психодиагностический и корреляционный, экспериментальный и квазиэкспериментальный подходы.

При обработке данных и проверке статистических гипотез применялись методы описательной статистики; корреляционного, регрессионного, эксплораторного факторного и дисперсионного анализа, реализованные средствами SPSS 21.0, R и Microsoft Excel 2013.

Для качественного анализа свободных ответов испытуемых использован метод *конденсации смыслов* (Бусыгина, 2013).

Для *диагностики направленности выбора* использовалась разработанная методика эмоциональных предвосхищений (МЭП), процедура которой включает возможность самостоятельных выборов в *вербальных задачах*, моделирующих ситуации служебной деятельности, и изменения этих выборов на основе использования «эмоциональной подсказки».

Для *оценки осведомленности военных руководителей о рисках* и особенностях восприятия ими специфических рисков для жизни и здоровья разработан методический инструментарий – анкета для оценки когнитивных репрезентаций риска (МОКР).

Экспертная оценка результативности деятельности военнослужащих на основе утвержденных должностных инструкций (регламентов), включающих квалификационные требования к уровню и характеру знаний и навыков, позволила оценить показатели результативности профессиональной служебной деятельности.

Для моделирования *решения прогностических задач в ситуации неопределенности* применялась компьютеризованная версия методики Iowa Gambling Task – IGT (Корнилова, 2016а; Grasman, Wagenmakers, 2005).

Психодиагностические методики:

Для диагностики *эмоционального интеллекта* использовались опросник ЭМИн (Люсин, 2004, 2009) и тест MSCEIT (Сергиенко, Ветрова, 2010).

Для диагностики *общего уровня интеллектуальных способностей* – Краткий отборочный тест – КОТ (Бузин, 1992).

Для диагностики *личностных свойств* использовались: Новый опросник толерантности к неопределенности – НТН (Корнилова, 2010б); шкала толерантности-интолерантности к неопределенности MSTAT-I Д. Маклейна (Луковицкая, 1998); опросник Личностные факторы принятия решений – ЛФР-21 (Корнилова и др., 2010); Краткий опросник Большой пятерки – КОБП, или ТPI (Корнилова, Чумакова, 2016); Опросник Стиль саморегуляции поведения – ССП (Моросанова, 2002).

Достоверность и обоснованность результатов обеспечивается теоретической и методологической обоснованностью работы; применением методического аппарата, адекватного целям и задачам исследования; надежностью данных, обеспечиваемой общей величиной выборки ($n = 660$), ее репрезентативностью и адекватными процедурами статистической обработки данных.

Научная новизна

Разработаны две новые методики, расширяющие возможности психологического анализа принятия решений в условиях неопределенности. Первая – *Методика эмоциональных предвосхищений* (МЭП) – позволяет оценивать особенности принятия решений с точки зрения учета эмоционального контекста при решении прогностической задачи в ситуациях межличностного взаимодействия. Вторая методика – *когнитивных репрезентаций риска* (МОКР) – позволяет выявлять особенности индивидуального восприятия источников риска.

Реализован новый подход к процедуре анализа использования приема подсказок, ориентирующих на эмоциональный контекст развития ситуаций, для

раскрытия регулятивного аспекта эмоционального интеллекта (при разрешении ситуации неопределенности личностным выбором).

Впервые описаны связи эмоционального интеллекта с регуляцией стратегий многоэтапных выборов у военных руководителей среднего звена и с когнитивными репрезентациями риска. Предикторами стратегий многоэтапных решений на разных этапах изменяющейся неопределенности выступали готовность к риску, рациональность, контроль экспрессии, эмоциональная стабильность (как свойство Большой пятерки), интеллект. Управление эмоциями и интолерантность к неопределенности выступили значимыми предикторами уверенности при оценках риска.

Впервые на основе концепции множественной многоуровневой регуляции решений прояснены взаимосвязи ЭИ с другими составляющими интеллектуально-личностного потенциала и с принятием решений военными руководителями. Предпосылками личностного выбора выступили: суммарный показатель внутриличностного ЭИ, его составляющие – управление своими эмоциями и контроль экспрессии (по опроснику ЭИИ), использование эмоций (по MSCEIT), а также показатели толерантности к неопределенности, интолерантности и межличностной интолерантности к неопределенности.

Теоретическая значимость

Исследование развивает положение о единстве интеллекта и аффекта, раскрывая регулятивную роль ЭИ (наряду с академическим интеллектом и личностными факторами принятия решений) на новом материале стратегий многоэтапных решений в динамически изменяющейся ситуации неопределенности и моделируемых условий личностных выборов.

Выявление взаимосвязей ЭИ с академическим интеллектом и личностными особенностями (стабильными чертами, свойствами саморегуляции и отношением к неопределенности и риску) в условиях решения разного типа прогностических задач демонстрирует единство интеллектуально-личностного потенциала человека, что вносит вклад в конкретизацию общей модели множественной регуляции принятия решений личностью.

Установление предикторов стратегий принятия решений в динамике выполнения прогностических задач и в ситуации личностных выборов позволило выявить регулятивную роль ЭИ и включить в представление о динамических регулятивных системах, как интегративных единицах психологического опосредствования принятия решения, компоненты ЭИ.

Выявление показателей интеллекта и ЭИ в качестве предикторов принятия решений в нашем исследовании позволяет критически отнестись к гипотезе «соматических маркеров» А. Дамасио и подчеркнуть роль высокоуровневых процессов регуляции многоэтапных решений в условиях неопределенности.

Раскрытием связей когнитивных репрезентаций риска с эмоциональным интеллектом внесен вклад в психологию риска. Установленный эффект «неоправданного оптимизма» в восприятии риска военными руководителями и более высокие оценки ими не военных источников риска позволяют переинтерпретировать термин когнитивных репрезентаций в «личностные» репрезентации риска.

Практическая значимость

Установленные взаимосвязи толерантности к неопределенности и эмоционального интеллекта с более высокой результативностью военных руководителей среднего звена в их служебной деятельности позволили охарактеризовать специфику регуляторной роли этих личностных свойств, что может учитываться в психологической подготовке военнослужащих.

Полученные данные о предикторах стратегий принятия многоэтапных решений могут рассматриваться как основание использования Игровой задачи Айова для комплексной диагностики интеллектуально-личностной регуляции особенностей принятия решений военными руководителями среднего звена.

Апробированные методики (методика эмоциональных предвосхищений и методика оценки когнитивных репрезентаций риска для жизни и здоровья) могут использоваться в широком спектре исследовательских задач (например, для развертывания показателей эмоциональных предвосхищений и стратегий

принятия решений; для выявления взаимосвязей когнитивных и личностных составляющих восприятия риска).

Результаты могут быть положены в основу создания практико-ориентированных программ индивидуальной психологической подготовки и повышения эффективности принятия решений людьми в военной среде.

Положения, выносимые на защиту

1. Эмоциональный интеллект представлен в регуляции принятия решений в моделируемых условиях межличностных взаимодействий в деятельности военных руководителей следующим образом: он связан с оценкой приемлемости исходов и включен в соотнесение таких составляющих личностного выбора, как направленность на разрешение ситуации неопределенности и учет ее эмоционального контекста.

2. Повышение общего уровня академического интеллекта у военных руководителей среднего звена способствует большей эффективности стратегий принятия решений, что дает основание не сводить регуляцию принятия многоэтапных решений только к эмоциям и широко понятой интуиции, как полагалось в гипотезе «соматических маркеров» А. Дамасио.

3. Эмоциональный интеллект у военных руководителей среднего звена связан с такими личностными переменными, как академический интеллект, толерантность и интолерантность к неопределенности, рациональность, готовность к риску, свойства саморегуляции; эти переменные становятся предикторами в зависимости от этапа решения прогностических задач, т. е. динамики изменений условий неопределенности. Черты Большой пятерки (экстраверсия, согласие, добросовестность, эмоциональная стабильность, открытость опыту) связаны со шкалами ЭИ, но не выступают предикторами многоэтапных выборов.

4. Военные руководители, различающиеся по результативности их профессиональной деятельности, имеют значимые отличия по шкалам ЭИ (в группе результативных более высокие показатели внутриличностного ЭИ, способности к осознанию своих эмоций, контроля экспрессии) и отношения к

неопределенности (более высокая толерантность к неопределенности и низкая интолерантность к неопределенности в межличностных отношениях), но только контроль экспрессии выступает значимым предиктором их результативности.

5. Военные руководители с более высокими значениями ЭИ проявляют «неоправданный оптимизм» – недооценивают риски (8 из 10 видов опасностей, а также по суммарному показателю риска), что свидетельствует об искажениях у них восприятия рисков. С неоправданным оптимизмом связаны также повышение готовности к риску, рациональности и эмоциональной стабильности.

Апробация результатов работы

Основные результаты и положения диссертационного исследования обсуждались на Международном научном форуме студентов и молодых ученых «Ломоносов-2011» (Москва, 2011 г.); на Всероссийской научной конференции «Познание в деятельности и общении: от теории к эксперименту» (Москва, 2011 г.); на V и VII международных конференциях по когнитивной науке (Калининград, 2012 г., Светлогорск, 2016 г.); на Всероссийской научной конференции «Идеи О.К. Тихомирова и А.В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения)» (Москва, 2013 г.); на XIV Международных чтениях памяти Л.С. Выготского (Москва, 2013 г.); на объединенной Евро-Азиатско-Тихоокеанской конференции по когнитивной науке (Турин, 2015 г.); на IV Международной научной конференции «Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие» (Кострома, 2016 г.), на кафедре общей психологии (2018 г.).

Материалы исследования отражены в 15 публикациях автора.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения; трех глав; обсуждения результатов; выводов; списка литературы, включающего 268 источника (из них 69 на английском языке) и 5 приложений. В диссертации содержится 6 рисунков и 15 таблиц. Общий объем диссертации (без приложений) составляет 171 страниц.

Основное содержание диссертации

Во Введении обоснованы актуальность исследуемой проблемы; определены цель, объект и предмет, гипотезы и задачи исследования; раскрыты методологические основания, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования; изложены основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Проблема регулятивной роли эмоционального интеллекта» состоит из четырех параграфов. Она посвящена рассмотрению концепций ЭИ и необходимости перехода к пониманию множественности взаимосвязей с другими процессами в регуляции принятия решений. Обосновывается постановка проблемы исследования, конкретизируемая как место ЭИ в интеллектуально-личностном потенциале военнослужащих – руководителей среднего звена – и роли ЭИ при принятии ими многоэтапных решений и личностном выборе.

В первом параграфе «Эмоциональная регуляция в личностном опосредствовании познавательной деятельности» представлено описание подходов и способов измерения эмоционального интеллекта.

Рассмотрены положения о чувственной основе познания (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, О.К. Тихомиров); прогностической функции образа мира и роли его в интеграции процессов преодоления неопределенности (Смирнов, 2016, 2018; Смирнов, Чумакова, Корнилова, 2016).

В качестве теоретических предпосылок исследования проанализированы работы по вероятностному прогнозированию (В.А. Иванников, И.М. Фейгенберг); антиципации в мышлении и принятии решений (А.В. Брушлинский, Б.Ф. Ломов, Л.А. Редуш, Е.А. Сергиенко, и др), «преадаптации к неопределенности» (Асмолов и др., 2017); разработка концепции образа мира, предполагающие предвосхищающую активность субъекта (А.Н. Леонтьев, В.Ф. Петренко, С.Д. Смирнов и др.).

Во втором параграфе «Эмоциональный интеллект в системе интеллектуально-личностного потенциала (ИЛП) человека» обсуждается

необходимость перехода к пониманию взаимосвязей ЭИ, академического интеллекта и личностных свойств в регуляции принятия решений.

Приводятся данные о связях ЭИ с академическим интеллектом, чертами Большой пятерки, саморегуляцией, толерантностью к неопределенности, отношением к риску и доверием интуиции. Обсуждаются различие ситуаций неопределенности и ситуаций риска (Козелецкий, 1979; Volz, Gigerenzer, 2012; Gigerenzer, 2015), а также данные о продуктивном вкладе ЭИ в разрешение ситуаций неопределенности и креативность (Корнилова, Новотоцкая-Власова, 2009; Павлова, 2015; Pavlova, Kornilova, 2016; Чумакова, 2010; и др.).

В третьем параграфе «Эмоциональный интеллект и личностная регуляция решений и действий у руководителей» показано, что кроме диспозиционального важен и ситуационный подход, поскольку именно эмоции отражают значимые для личности компоненты ситуации (В.К. Вилюнас, А.Н. Леонтьев) и задают ориентиры для предвосхищений ее развития собственными действиями.

Приводятся данные о месте эмоционального интеллекта в профилях руководителей (Карузо, Сэловей, 2016), лидеров и лиц ряда профессий, связи ЭИ с толерантностью к неопределенности при разных методиках их измерения.

Подчеркивается необходимость разработки методик, моделирующих принятие решений, для «развертки» оснований выбора при разной ориентировке на эмоциональный контекст.

Рассматривается роль восприятия риска для военных руководителей. Подчеркивается необходимость учитывать смысловую составляющую ПР, а при принятии подхода «от деятельности к личности» – изучения регулятивной роли ЭИ и восприятия риска в деятельности военных руководителей, где личностный выбор совершается в особых условиях деятельности «человека в погонах», ограниченного в инициации направлений принятия решений.

Четвертый параграф «Постановка проблемы исследования: цели, задачи, гипотезы» включил названные разделы.

Обосновывается необходимость изучать эмоциональный интеллект в связях с интеллектуально-личностной регуляцией выбора (как разрешения личностью ситуации неопределенности). Как самостоятельная проблема выделяется разработка таких методик, которые позволили бы «вычлесть» основательно изученный аспект восприятия эмоций (как составляющей ЭИ) из ориентировки на эмоциональный контекст ситуаций, чтобы подчеркнуть именно регулятивную роль ЭИ в осуществлении выборов в ситуации межличностного взаимодействия.

Обосновывается выбор экспериментальной ситуации Игровой задачи Айова как экспериментальной модели, связываемой А. Дамасио (Damasio, 1998, 2003) с «соматическими маркерами» эмоциональной регуляции принятия решений, для выявления регулятивной роли ЭИ, академического интеллекта, отношения к неопределенности и риску, а также стилевых свойств саморегуляции.

Завершается параграф схемой проведенных эмпирических исследований с целью верификации выдвинутых гипотез.

Вторая глава «Эмоциональный интеллект в регуляции выбора на основе подсказки» состоит из четырех параграфов и объединяет три эмпирических исследования.

В первом параграфе **«Методика эмоционального предвосхищения»** приводится обзор исследований, посвященных феномену подсказки при решении задач.

Использование подсказок применялось для исследования внутреннего хода мышления на разных стадиях решения задачи и через выявление условий использования подсказки (А.Н. Леонтьев и др., 1981; Пономарев, 1976; Рубинштейн, 1981; Dunbar, 2001; Gick, Holyoak, 1983; и др.). Современные подходы можно разделить на две группы: изучение прайминг-эффектов на материале элементарных когнитивных задач (Фаликман, 2011; Gulan, Valerjev, 2010; Lucas, 2000; Mayr, Buchner, 2007; Squire et al., 1993; и др.) и включение подсказки в решение собственно мыслительных задач (Корнилова, 2014; Лаптева, Валуева 2011; Пономарев, 1976; и др.).

В Методике эмоциональных предвосхищений (МЭП) мы использовали подсказку в виде рисунка-карикатуры, выступившей средством актуализации эмоциональной информации для принятия решений (ПР) субъектом. Эмоциональная подсказка может пониматься как краткое эмоциональное воздействие в ходе решения, напоминающего инсайтную ага-реакцию (Валуева и др., 2013). Однако в случае ПР необходимо предполагать другой механизм ее влияния – наведение испытуемого на эмоциональный контекст развития ситуации, что позволит ему проявить ЭИ в разрешении проблемы.

Во втором параграфе «Связи предпочтений личностных выборов с эмоциональным интеллектом и толерантностью-интолерантностью к неопределенности» представлена методика МЭП, задающая для выбора исхода в ситуации возможные условия межличностного взаимодействия.

Эмпирическое исследование 1: Методика множественного выбора на материале эмоционального предвосхищения в вербальных задачах (на выборке военных преподавателей) (N = 79; возраст от 22 до 68 лет; M = 39,36; SD = 8,31; 71 мужчина и 8 женщин; все с опытом руководящей деятельности).

Для проверки гипотез о шкалах ЭИ как предикторов ПР в профессионально и личностно значимых ситуациях мы сформулировали *вербальные задачи*, выбор в которых мог «поддерживаться» подсказкой-рисунком для демонстрации эмоций участников ситуации при ее развитии.

Экспериментальный материал МЭП включил 6 вербальных задач. Первые две задачи моделируют ситуации ПР при взаимодействии с начальником, следующие две – при взаимодействии с коллегами, последние две – проблему эмоциональной саморегуляции при ПР (без ситуации общения с другими).

Процедурно методика реализовывалась в трёх этапах.

На 1-м этапе участнику предлагается сформулировать в задаче собственные варианты того, что он стал бы и не стал бы делать (первоначальный собственный выбор). На 2-м этапе предъявляется бланк с четырьмя возможными вариантами исходов ситуации. Формулировка каждой

альтернативы содержит два параметра: учет эмоциональной информации и разрешение неопределённости при ПР (в табл.1 даны их сочетания).

Таблица 1.

Типы альтернатив (исходов при ПР) в процедуре МЭП

		Учет эмоциональной информации	
		Есть	Нет
Разрешение неопределенности	Есть	«Интегративное» решение	Разрешение неопределенности
	Нет	Ориентировка на эмоции	«Пустое» решение

Участник оценивал предложенные в ситуации альтернативы и собственные варианты по семибалльной шкале *приемлемости*.

На 3-м этапе предлагается сделать выбор одной из четырех заданных альтернатив, выбрав наиболее близкую к собственному варианту. Потом предъявляется одна из четырех возможных «эмоциональных подсказок» в виде рисунка-иллюстрации к развитию ситуации. Затем участник осуществляет окончательный выбор из предложенных вариантов или собственных.

По результатам исследования:

1. Установлены хорошие показатели внутренней согласованности выборов в МЭП по показателям, интегрирующим оценки приемлемости выборов в предложенных 6 задачах (альфа Кронбаха $\alpha = 0,70$). Обоснование процедуры подсчетов дано в работах (Корнилов, Григоренко, 2010; Стернберг и др., 2002).

2. Эксплораторный факторный анализ, проведенный по методу выделений главных осей, также показал наличие одного явного фактора, охватывающего около 50% дисперсии (по индивидуальным расстояниям Махаланобиса).

3. Установлено, что чем выше индексы *управление своими эмоциями* и *контроль эмоций других людей* (по опроснику «ЭМИн»), тем больше индивидуальные отклонения оценок приемлемости исходов.

Таким образом, МЭП идентифицирует, в какой степени сбалансирована двоякая направленность выборов – на использование эмоциональной информации и преодоление ситуации неопределенности личностным выбором.

Третий параграф «Предикторы личностного выбора на материале методики эмоционального предвосхищения» представляет 2-е исследование, выполненное на той же выборке военных преподавателей.

Эмпирическое исследование 2: Предикторы личностного выбора на материале методики эмоционального предвосхищения.

Основной гипотезой этого исследования выступило предположение, что шкалы ЭИ и толерантности-интолерантности к неопределенности (ТН и ИТН) выступают в качестве предикторов использования эмоциональной информации (в зависимости от контекста ситуаций МЭП в рамках служебной деятельности).

Частными выступили гипотезы о согласованности связей между показателями ЭИ по «объективированному» тесту (MSCEIT) и по опроснику (ЭМИн), а также о значимом отличии ответов испытуемых после предъявления подсказки от их первоначального выбора.

Тремя экспертами-психологами проведен качественный анализ данных собственных ответов испытуемых. В Таблице 2 указаны шкалы, по которым при помощи однофакторного дисперсионного анализа установлены значимые различия между группами участников, давших разные категории ответов.

Таблица 2.

Личностные предпосылки выбора в ситуации взаимодействия в рамках служебной деятельности

Категории ответов	ЭМИн	MSCEIT	ИТН
Ситуация 1			
Выполнить поставленные задачи без всяких обсуждений	ВЭИ, В3		ИТН
Ситуация 2			
Самостоятельно перенести выходной			МИТН
Незамедлительно решить вопрос с начальником	М3		
Ситуация 3			
Оказать помощь коллеге после решения собственной задачи		Использование эмоций	
Отказать в помощи коллеге		Использование эмоций	
Ситуация 4			
Выяснить отношения с коллегой	ВЭИ, В2, В3		
Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение	ВЭИ, В2, В3		
Ситуация 6			
Не идти на день рождения			ТН
Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение			ТН

Примечание: ТН – толерантность к неопределенности (опросник ИТН-33); ИТН – интолерантность к неопределенности и МИТН – межличностная интолерантность к неопределенности (ИТН-33); шкалы ЭИ по «ЭМИн» М3 – управление чужими эмоциями; В2 – управление своими эмоциями; В3 – контроль экспрессии; ВЭИ – внутриличностный ЭИ.

Шкалы ЭИ по опроснику значимо связаны с направленностью ПР на разрешение неопределенности в ситуациях 1, 2 и 4 (все на уровне $p < 0,05$).

Компоненты ЭИ по тесту MSCEIT связаны с предпочтением определенного ПР только в одной ситуации: выше уровень *использования эмоций* был у тех, кто в ситуации запроса на помощь от коллеги сделал выбор соблюсти личные интересы и выполнить свое задание в установленный срок ($p < 0,05$).

Таким образом, установлено рассогласование данных о связях с ПР переменных ЭИ, получаемых «объективированным» тестом и опросником. Индивидуальные различия по тесту MSCEIT выступили в связи с выбором ответа для ситуации выполнения служебных обязанностей, тогда как по тесту ЭМИн – для ситуаций непосредственных межличностных взаимодействий.

Четвертый параграф «Личностные свойства в группах с разными решениями (при возможности взятия эмоциональной подсказки в МЭП)».

Для каждой задачи с использованием теста биномиального распределения принята гипотеза о неслучайном выборе из предлагаемых альтернатив наиболее близкой для собственного решения, что позволяет считать задаваемые альтернативы достаточно экологически валидными.

Как видно из рисунка 1, эффект сдвига в принятии решения после подсказки наблюдается для «интегративного» решения и «пустого» решения: в окончательном выборе после предъявления подсказок становится достоверно больше выборов ($t = -3,880$; $p < 0,05$), сочетающих в себе ориентировку на эмоциональную информацию и разрешение неопределенности.

Таким образом, установлено позитивное влияние подсказок в процедуре МЭП на окончательный выбор в предлагаемых ситуациях.

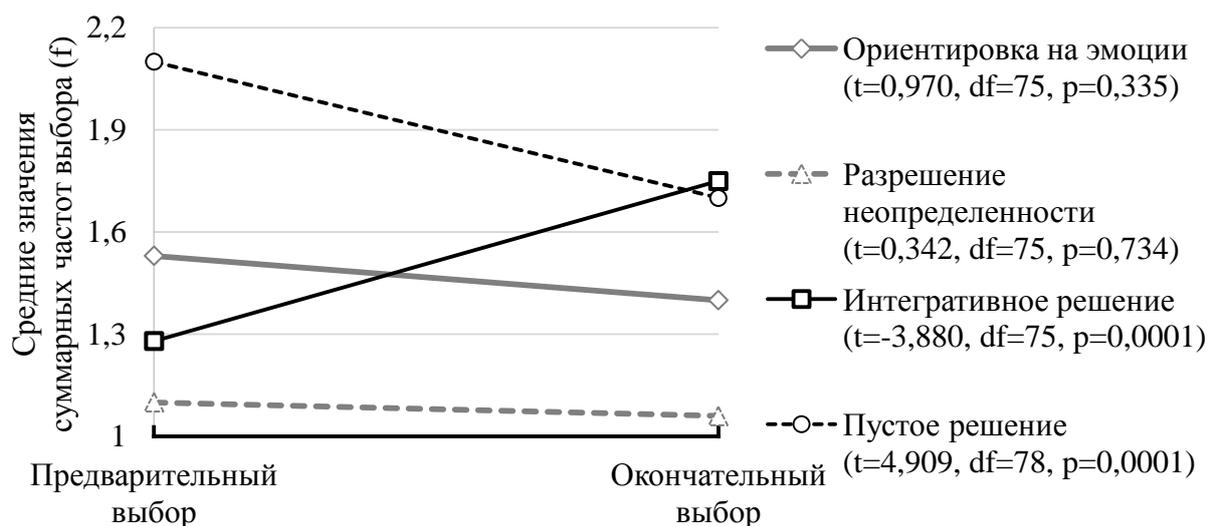

Рисунок 1. Средние значения суммарных частот выбора (f) каждого типа альтернатив в предварительном и окончательном решении в процедуре МЭП

Эффективное использование *подсказок* (увеличение количества окончательных выборов, разрешающих неопределенность с учетом эмоционального контекста ситуации) указывает на более высокий уровень способности использовать эмоциональную информацию при ПР.

В *дополнительном* исследовании выявлена связь *субъективной оценки помощи подсказок* с актуальным решением задач. Военные преподаватели (N=51), у которых предъявление подсказки привело к смене выбора (от предварительного к окончательному) или был сохранен выбор, позитивно разрешающий ситуацию неопределенности, не отличались по высоте *субъективной оценки помощи подсказок* от тех, кому подсказка не помогла т.е. окончательный выбор не разрешал ситуацию ($t = -1,55; p < 0,05$). Но выше оценивали помощь подсказки лица с более низкими показателями ЭИ ($r = -0,323$ при $p < 0,05$ для МЭИ и $r = -0,432$ при $p < 0,05$ для ВЭИ) и снижением *интолерантности к неопределенности* ($r = -0,286$ при $p < 0,05$ для ИТН).

Таким образом, *субъективная оценка помощи подсказок* не прямо связана с актуальным решением задачи, а отражает представления личности об основаниях решения при использовании эмоциональной информации.

В пятом параграфе представлены результаты *Эмпирического исследования 3: Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности как предикторы результативности деятельности военных руководителей.*

Участники исследования – 62 военных руководителей среднего звена в возрасте от 27 до 42 лет ($M = 31,89$; $SD = 3,80$; все мужчины с высшим образованием; средний стаж работы 9 лет).

На 1-ом этапе все участники проходили тестирование по личностным методикам, а на 2-ом – спустя год – военные оценивались военными экспертами по результативности их деятельности на основе утвержденных должностных инструкций. Согласно внешне-критериальным оценкам участники отнесены к одной из двух категорий результативности: «Справляющиеся с поставленными задачами в полном объеме» и «Не полностью справляющиеся с поставленными задачами». При сравнении выборочных средних для группы военнослужащих, справляющихся с поставленными задачами, установлены значимо более высокие значения свойств *толерантности к неопределенности* (по MSTAT), способности к *осознанию своих эмоций* (B1 по ЭМИн), *контроля экспрессии* (B3 по ЭМИн), *внутриличностного ЭИ* (BЭИ по ЭМИн) и более низкие значения по *межличностной интолерантности к неопределенности* (МИТН по опроснику НТН), что означает повышение принятия неопределенности в межличностных отношениях. Однако по результатам логистической регрессии (при совместном включении) только переменная *контроль экспрессии* (B3) выступила значимым предиктором результативности военных руководителей в профессиональной деятельности ($R^2 = 0,192$; $B = 0,354$; $p < 0,05$; $\text{Exp}(B) = 1,424$).

ТН/ИТН по MSTAT выступила в значимых связях со шкалами *внутриличностного ЭИ* и *M2 – понимание чужих эмоций через экспрессию*, продемонстрировав аналогичные связи для шкалы ИТН по опроснику НТН.

Таким образом, более толерантное отношение к неопределенным ситуациям у военнослужащих, связанное в целом более высоким

внутриличностным ЭИ, сопутствует лучшей регуляции собственных эмоций в проблемных ситуациях.

При сравнении групп военнослужащих и гражданских лиц (контрольная группа (N=60) установлено: 1) военные руководители отличаются от гражданских лиц – управленцев среднего и нижнего звена – более высокой *ИТН* и более низкой *ТН*; 2) военные руководители характеризуются более высоким *эмоциональным интеллектом* и взаимосвязью его с отношением к неопределенности. С повышением *внутриличностного эмоционального интеллекта* снижается *межличностная интолерантность к неопределенности*. Повышение *интолерантности к неопределенности* сопутствует у военных росту показателей *внутриличностного и межличностного эмоционального интеллекта*, что не проявляется в выборке гражданских лиц.

В третьей главе «Связи эмоционального интеллекта со стратегиями многоэтапных выборов и отношением к неопределенности и риску» представлены методы и результаты исследований, посвященных регуляции стратегий многоэтапных *ПР* на материале Игровой задачи Айова и роли ЭИ в *когнитивных репрезентациях риска* у военнослужащих.

В первом параграфе «Проблема психологической регуляции решений в прогностических задачах» обоснована необходимость перехода к экспериментальным моделям, позволяющим проводить комплексный анализ включенности интеллектуальных и личностных переменных в регуляцию *ПР* в условиях, включающих вероятностную ориентировку. Игровая задача Айова (Iowa Gambling Task – IGT) моделирует такие условия (Bechara et al., 2005).

Во предварительном исследовании «*Профессиональные различия в игровых стратегиях Айова-теста*» (Краснов, Чумакова, 2016) проверялась гипотеза о различиях стратегий IGT в группах разной профессиональной принадлежности.

При сравнении группы военных руководителей (n = 51) и невоенных профессионалов (n = 32) получены значимые различия по ряду показателей (рис. 2): *выбор колоды С в 3 блоке* ($t = -2,096$; $df = 38,59$; $p < 0,05$); *суммарный*

показатель выборов колоды С в 4 блоке ($t = -2,059$; $df = 36,73$; $p < 0,05$); суммарный показатель выборов колоды D в 4 блоке ($t = 2,021$; $df = 81$; $p < 0,05$); выбор колоды С в 5 блоке ($t = -2,141$; $df = 40,60$; $p < 0,05$); выигрыш в 5 блоке ($t = 2,116$; $df = 81$; $p < 0,05$) и суммарный показатель выборов колоды С за всю игру ($t = -2,198$; $df = 36,65$; $p < 0,05$).

Основным различием в стратегиях между группами стало предпочтение «хороших» колод (С и D на рис. 2): военные руководители значимо реже на последних этапах игры предпочитали колоду с частыми проигрышами, что отразилось на общем выигрыше в последнем (5-м) блоке.

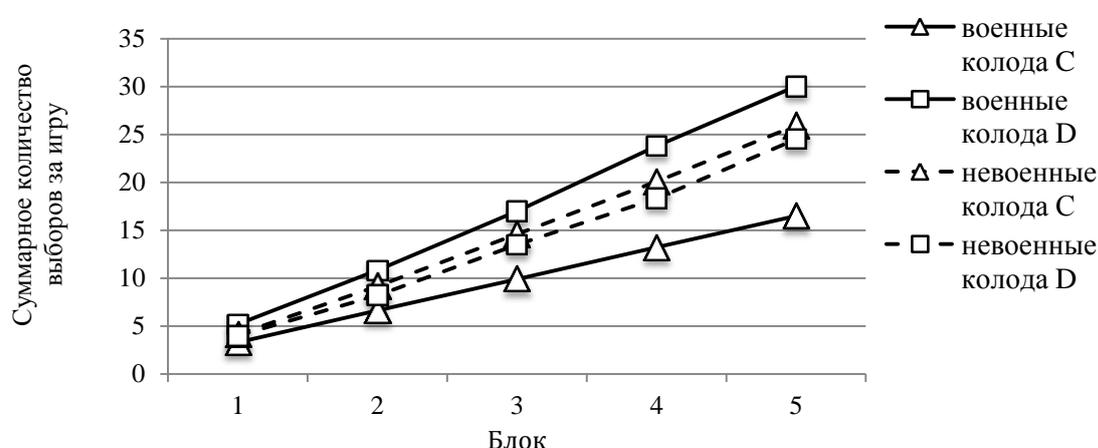

Рисунок 2. Суммарное количество выборов колод С и D в группах военных руководителей и гражданских лиц

На основе этих предварительных результатов поставлены задачи 4-го эмпирического исследования, изложенного во **втором параграфе**:

Исследование 4: Связи стратегий многоэтапных решений с эмоциональным интеллектом и личностными свойствами.

Участники исследования: 246 военных руководителей среднего звена (возраст $M = 34,11$; $SD = 4,58$; все мужчины с высшим образованием).

В таблице 3 показано, как меняются связи ЭИ с показателями стратегий выборов в зависимости от этапа в задаче Айова. Результаты пошагового линейного регрессионного анализа позволили уточнить роль переменных ЭИ в качестве предикторов выборов: *управление чужими эмоциями (МУ)* выступило значимым положительным предиктором кумулятивной прибыли на 2-ом этапе ($R^2 = 0,018$; $F = 4.374$; $\beta = 0,133$; $p < 0,05$), проигрыша на 3-ем этапе ($R^2 = 0,022$;

$F = 5,395$; $\beta = 0,147$; $p < 0,05$) и отрицательным предиктором прибыли на 3-ем этапе ($R^2 = 0,019$; $F = 4,840$; $\beta = -0,139$; $p < 0,05$); *понимание своих эмоций* обеспечило отрицательный вклад ЭИ в проигрыши на 4-ом этапе.

Установленные положительные связи *академического интеллекта* с выбором выигранных колод (во 2-ом блоке), с прибылью (в 5-ом блоке), а также с кумулятивной прибылью демонстрируют, что прогностическая активность субъекта, направляемая развитием образа ситуации в изменяющейся неопределенности, включает когнитивные ориентиры и зависит от уровня интеллекта, что не предполагается гипотезой «соматических маркеров».

Таблица 3.

Связи эмоционального интеллекта с показателями выборов в Игровой задаче Айова на выборке военных руководителей (ρ)

	МЭИ	ВЭИ	ВП	ПЭ	МУ	КОТ
Выбор выигранных колод (1 блок)	-0,128*	-0,09	-0,094	-0,107	-0,144*	0,03
Выбор выигранных колод (2 блок)	0,029	0,065	0,082	0,059	0,027	0,23*
Кумулятивная прибыль (2 блок)	0,083	0,049	0,064	0,028	0,141*	0,169
Проигрыш (3 блок)	0,122	-0,022	0,036	0,047	0,164*	-0,144
Прибыль (3 блок)	-0,131*	0,003	-0,05	-0,062	-0,170**	0,14
Проигрыш (4 блок)	-0,063	-0,074	-0,139*	-0,126*	-0,042	0,032
Прибыль (5 блок)	0,001	-0,028	-0,033	-0,023	-0,009	0,19*
Прибыль за игру	-0,034	0,014	0,022	0,005	-0,058	0,19*

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. Шкалы методики ЭИИ: МЭИ – межличностный эмоциональный интеллект, ВЭИ – внутриличностный эмоциональный интеллект, ПЭ – понимание эмоций, МУ – управление чужими эмоциями, ВП – понимание своих эмоций.

Для уточнения роли ЭИ в личностной регуляции принятия решений мы рассмотрели также связи стратегий со шкалами саморегуляции (Моросанова, 2002), готовности к риску и рациональности (Корнилова и др., 2010) и чертами Большой пятерки ($N=120$, военных руководители, возраст $M = 34,00$; $SD = 4,05$).

Как видно из таблицы 4, выявлены связи ЭИ со всеми шкалами саморегуляции (по опроснику ССП) за исключением *самостоятельности*.

Таблица 4.

Связи эмоционального интеллекта с саморегуляцией (ρ)

	Планирование	Моделирование	Программирование	Оценивание результатов	Гибкость	Самостоятельность	Общий
МЭИ	0,237**	0,260**	0,199*	0,144	0,299**	0,104	0,313**
ВЭИ	0,122	0,392**	0,192*	0,227*	0,300**	0,062	0,330**
ПЭ	0,176	0,312**	0,204*	0,135	0,318**	0,108	0,308**
УЭ	0,17	0,357**	0,196*	0,234**	0,270**	0,07	0,338**
МП	0,216*	0,266**	0,220*	0,125	0,334**	0,108	0,310**
МУ	0,198*	0,273**	0,209*	0,205*	0,260**	0,127	0,327**
ВП	0,117	0,291**	0,161	0,117	0,289**	0,09	0,261**
ВУ	0,091	0,318**	0,196*	0,239**	0,310**	0,125	0,337**
ВЭ	0,107	0,404**	0,173	0,229*	0,203*	-0,011	0,280**

Примечание. *p < 0,05; **p < 0,01.

Шкалы саморегуляции *моделирование* и *самостоятельность* отрицательно связаны с продуктивными выборами, а шкала *гибкость* положительно по показателю числа смены колод в конце игры (табл. 5).

Таблица 5.

Связи показателей выборов в Игровой задаче Айова с саморегуляцией (ρ)

Показатели Айова-теста (IGT)	Планирование	Моделирование	Гибкость	Самостоятельность
Прибыль (1 блок)	-0,10	0,02	0,13	0,13
Прибыль (2 блок)	0,20	-0,07	-0,07	-0,02
Прибыль (3 блок)	-0,07	0,03	0,09	-0,20
Прибыль (4 блок)	-0,05	-0,02	-0,03	0,15
Прибыль (5 блок)	0,02	-0,17	-0,11	-0,08
Прибыль за игру	0,02	-0,23	-0,04	-0,09
Выбор выигрышных колод (1 блок)	-0,03	-0,18	-0,15	-0,04
Выбор выигрышных колод (2 блок)	0,00	0,06	0,17	-0,04
Выбор выигрышных колод (3 блок)	-0,09	-0,21	0,08	-0,06
Выбор выигрышных колод (4 блок)	-0,02	-0,11	0,15	0,02
Выбор выигрышных колод (5 блок)	0,01	-0,13	0,15	-0,01
Выбор выигрышных колод за игру	-0,01	-0,16	0,15	-0,02
Смена колод (1 блок)	-0,11	-0,04	-0,04	-0,18
Смена колод (2 блок)	-0,14	0,06	0,02	0,00
Смена колод (3 блок)	-0,20	-0,11	0,05	0,06
Смена колод (4 блок)	0,01	0,03	0,12	-0,05
Смена колод (5 блок)	-0,04	-0,03	0,18	-0,09
Смена колод за игру	-0,17	-0,01	0,08	-0,11

Примечание. *p < 0,05; **p < 0,01.

Как показывает таблица 6, *готовность к риску* и *ИТН* отрицательно связаны с выбором выигрышных колод в начале игры, а *рациональность* – положительно с общей прибылью. *ИТН* также отрицательно связана со сменой колод на начальном этапе и за игру, т. е. сопутствует снижению эффективности стратегий. *Открытость опыту* положительно связана с прибылью на начальном этапе, а *ТН* – с выбором выигрышных колод в середине игры.

В целом *результаты исследования 4* свидетельствуют о том, что множественное представление показателей стратегий выборов в Игровой задаче Айова позволяет давать дифференцированную картину изменений ориентировки человека при ПР в условиях динамической неопределенности.

Таблица 6.

Связи показателей Игровой задачи Айова с другими переменными интеллектуально-личностного потенциала (ρ)

Показатели Айова-теста (IGT)	КОТ	ЛФР-21		ИТН-33		ТИРІ
		Риск	Рациональность	ТН	ИТН	Открытость опыту
Прибыль (1 блок)	-0,02	0,00	0,03	0,09	0,05	0,21*
Прибыль (5 блок)	0,19*	-0,04	0,11	0,12	0,01	0,15
Прибыль за игру	0,19*	-0,11	0,18*	0,13	-0,07	0,18
Выбор выигрышных колод (1 блок)	0,03	-0,22*	-0,03	-0,3	-0,18*	0,00
Выбор выигрышных колод (2 блок)	0,23*	-0,07	0,06	0,10	-0,07	0,15
Выбор выигрышных колод (3 блок)	0,03	-0,02	-0,06	0,20*	-0,11	0,01
Смена колод (1 блок)	-0,01	0,01	0,08	0,06	-0,20*	-0,02
Смена колод (2 блок)	0,00	-0,02	0,02	0,07	-0,19*	0,13
Смена колод за игру	-0,07	0,01	0,08	0,06	-0,21*	0,03

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Таким образом, актуалгенез ПР в заданных условиях неопределенности у военных руководителей связан как с личностной, так и с интеллектуальной регуляцией ПР, что не предполагалось в гипотезе А. Дамасио.

В третьем параграфе «Восприятие риска и готовность к риску у военных руководителей среднего звена» представлены результаты *исследования 5*.

Проблемы восприятия риска и управления рисками составляют значительную часть работ в психологии риска и принятия решений (Slovic,

2010). Восприятие риска связывают с когнитивным и личностным оцениванием риска (Д. Канеман, Ю. Козелецкий, Т.В. Корнилова, М. Finucane, В. Fischhoff, G. Gigerenzer, S. Lichtenstein, P. Slovic, В. Starr; и др.), или с субъективными репрезентациями факторов риска при принятии решений.

Согласно психометрическому подходу (Fischhoff et al., 1978; Slovic, 2002; Slovic et al., 1984), воспринимаемый риск может быть измерен методами, реализуемыми в рамках психометрической парадигмы.

Эмпирическое исследование 5: Связь интеллекта и личностных свойств с когнитивными репрезентациями риска для жизни и здоровья у военных руководителей среднего звена установило особенности восприятия специфических рисков для жизни и здоровья, а также взаимосвязи их с интеллектом и личностными свойствами военных руководителей.

Участники исследования. 120 военных руководителей среднего звена ($M = 34,00$; $SD = 4,05$; все мужчины с высшим образованием).

Нами разработана *методика оценки когнитивных репрезентаций* риска для жизни и здоровья у военных руководителей (МОКР). Перечень рисков составлен на основе их экспертной оценки (тремя экспертами). В результате отобрано десять ситуаций, которые были включены в *анкету* (воздействие поражающих факторов взрыва, встреча с противником, выход из строя оборудования, ДТП с участием военной техники, поражение огнестрельным оружием, психологические перегрузки, радиационное облучение, сложные погодные условия, химическое заражение).

Участники заполняли опросники ЭМИн, ЛФР-21, НТН и Краткий отборочный тест (Бузин, 1992).

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что военные руководители с более высокими показателями *интеллекта* значимо выше оценивали такие виды риска как *психологические перегрузки* и *сложные погодные условия*, т. е. не военные источники угроз. Лица с более высокими показателями по *готовности к риску* в субъективных репрезентациях риска проявляли «неоправданный оптимизм» – недооценивали риски по указанным

видам опасностей, а также по суммарному показателю риска (все $p < 0,05$). Военные с более высокими показателями по *эмоциональному интеллекту* также демонстрировали снижение оценок воспринимаемого риска.

Лица с более высокими *ТН* и *экстраверсией* выше оценивали лишь невоенные источники риска – *погодные условия*; с высокой *межличностной интолерантностью к неопределенности* – значимо риски *радиационного и химического заражения* (все $p < 0,05$). Снижение *эмоциональной стабильности* сопровождало увеличению оценок риска по пяти из десяти его видов (все $p < 0,05$). Более старшие по возрасту военнослужащие значимо ниже оценивали риск *поражения огнестрельным оружием* ($p < 0,05$).

Вклад измеренных психологических свойств в восприятие риска подтверждается регрессионным анализом. *Готовность к риску* снижает оценки риска *встречи с противником* ($R^2 = 0,051$; $F = 6,381$; $B = -0,203$; $p < 0,05$), а *рациональность* – оценки риска *химического заражения* ($R^2 = 0,086$; $F = 11,056$; $B = -0,278$; $p < 0,01$). Снижение *контроля экспрессии* способствует повышению оценок риска *выхода из строя оборудования* ($R^2 = 0,043$; $F = 5,222$; $B = -0,207$; $p < 0,05$). Снижение *возраста* и *эмоциональной стабильности* ведет к повышению воспринимаемого риска *поражения огнестрельным оружием* ($R^2 = 0,086$, $F = 5,533$; $B1 = -0,136$; $B2 = -0,427$; $p < 0,05$).

Снижение *эмоциональной стабильности* и повышение *интеллекта* (КОТ) способствует возрастанию оценок риска *психологических перегрузок* ($R^2 = 0,111$; $F = 7,335$; $B1 = -0,420$; $B2 = 0,366$; $p < 0,01$); повышение *интеллекта* – также риска *сложных погодных условий* ($R^2 = 0,113$; $F = 14,983$; $B = 0,206$; $p < 0,01$).

Эмоциональная стабильность способствует снижению суммарного показателя воспринимаемого риска ($R^2 = 0,168$; $F = 11,510$; $B = -2,342$; $p < 0,01$).

Значимый вклад в *уверенность* при оценке рисков вносят только показатели *управления эмоциями* и *интолерантности к неопределенности* ($R^2 = 0,168$; $F = 11,510$; $B1 = 0,021$; $B2 = 0,031$; $p < 0,05$).

Таким образом, предложенная методика оценивания когнитивных репрезентаций рисков для жизни и здоровья у военных руководителей среднего звена позволила выявить взаимосвязи свойств их с личностными факторами.

В четвертом параграфе «Функциональная включенность ЭИ в связи принятия решений с интеллектом и личностными свойствами» представлено *Эмпирическое исследование 6: Показатели ориентировки в Игровой задаче Айова как предикторы позитивного учета эмоционального контекста и направленности на разрешение ситуации выбора (в задачах, моделирующих профессиональные взаимодействия военнослужащих).*

Участники исследования: 70 военных руководителя среднего звена ($M = 32,17$, $SD = 3,31$; все мужчины с высшим образованием).

Проанализировано, как показатели стратегий в IGT могут предсказывать высоту переменных в МЭП; и наоборот, как оценки личностных выборов в МЭП выступили предикторами стратегий многоэтапных выборов.

По результатам линейной регрессии (шаговый отбор) *смена колод*, как показатель поисковой активности во 2-ом блоке IGT, выступила значимым предиктором общего индекса *использования эмоционального контекста* в ситуациях МЭП ($R^2 = 0,158$; $F = 4,689$; $\beta = 0,397$; $p < 0,05$). *Смена колод* и выбор *выигрышных колод* (в том же 2-м блоке, т. е. на первых этапах) выступили значимыми предикторами общего индекса *разрешения ситуаций неопределенности* в МЭП ($R^2 = 0,483$; $F = 6,218$; $\beta_1 = 0,354$; $\beta_2 = 0,392$; все на уровне $p < 0,05$). Таким образом, активность и эффективность построения *образа ситуации* в Игровой задаче Айова позволяли предсказывать направленность на позитивное разрешение ситуации неопределенности в личностном выборе.

Военные руководители, выше оценившие *помощь подсказок-иллюстраций* при окончательных выборах в МЭП, чаще выбирали *выигрышные колоды* ($\rho = 0,534$; $p < 0,05$) и *меняли колоды* в 1-м блоке IGT ($\rho = 0,389$; $p < 0,05$). Таким образом, они оказывались более эффективными в стратегиях именно на этапе максимально неопределенного образа ситуации.

Аналогично смена когод в 1-м блоке IGT выступила предиктором оценки помощи подсказок-иллюстраций ($R^2 = 0,303$; $F = 11,870$; $\beta = 0,575$; $p < 0,05$) и оценки правдоподобности эмоций персонажей в подсказках-иллюстрациях ($R^2 = 0,192$; $F = 5,698$; $\beta = 0,438$; $p < 0,05$).

Полученные результаты свидетельствуют о достаточной интегрированности роли эмоционального интеллекта для ПР (на разном материале).

Проведенные эмпирические исследования позволили сформулировать следующие **выводы**:

1. Более высокие показатели *толерантности к неопределенности* и *эмоционального интеллекта* характеризуют специфику психологического профиля военных руководителей с более высокой *результативностью* в их служебной деятельности (по сравнению с группой с низкой результативностью).

2. Согласно показателю *использования эмоций в решении проблем* (субшкала MSCEIT), *эмоциональный интеллект* способствует одновременной целевой ориентировке на использование эмоциональной информации и разрешение ситуации неопределенности (т.е. наиболее эффективных выборов).

3. Переменные *эмоционального интеллекта*, не связанные при измерении его двумя методиками («объективным» тестом и опросником), проявляют схожие связи с характеристиками принятия решений военнослужащими (в вербальных задачах).

4. Разработанная *методика эмоциональных предвосхищений* (МЭП) позволяет с хорошей надежностью выявлять учет военнослужащими эмоционального контекста ситуации и направленность личностного выбора на разрешение ситуаций неопределенности в служебной деятельности.

5. Отношение к *неопределенности* наряду со шкалами *эмоционального интеллекта* выступили в качестве положительных предикторов использования эмоциональной информации – в зависимости от контекста ситуаций МЭП, моделирующей условия выбора в рамках служебной деятельности.

6. *Толерантность к неопределенности и эмоциональный интеллект* положительно связаны с *субъективной оценкой помощи от подсказок*, ориентирующих на использование эмоциональной информации. При этом направленность выбора не связана с этой субъективной оценкой.

7. Индексы *управление своими эмоциями* и *контроль эмоций других людей*, как показатели эмоционального интеллекта, положительно связаны с индивидуальными отклонениями оценок *приемлемости* исходов в задачах, моделирующих профессиональные взаимодействия.

8. Черты *Большой пятерки* (экстраверсия, согласие, добросовестность, эмоциональная стабильность, открытость опыту) связаны со шкалами ЭИ, но не выступают предикторами многоэтапных выборов.

9. Показатели *эффективности многоэтапных выборов* в игровых стратегиях (смена колод и выбор выигрышных колод) позволяют предсказывать направленность *личностных выборов* участников на учет эмоционального контекста и разрешение ситуаций неопределенности.

10. У военных руководителей повышение личностной *готовности к риску* и *эмоционального интеллекта* сопутствует проявлению «неоправданного оптимизма» в *когнитивных репрезентациях риска*. Значимый вклад в субъективные оценки риска вносят переменные *управление эмоциями* и *интолерантность к неопределенности*.

В **Заключении** приведены итоги проведенного теоретического анализа и эмпирического исследования ЭИ в личностной регуляции принятия решений и обсуждаются перспективы дальнейших исследований данной проблемы.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в 15 публикациях автора (общий объем – 6.86 п. л.; авторский вклад – 4.08 п. л.).

Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в Web of Science, Scopus, RSCI, а также в изданиях из перечня рекомендованных Минобрнауки РФ, утвержденных Ученым советом МГУ

для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 19.00.01 –
Общая психология, психология личности, история психологии:

1. Краснов, Е.В. Методика множественного выбора на материале эмоционального предвосхищения в вербальных задачах (на выборке военных преподавателей) [электронный ресурс] / Е.В. Краснов // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7. – № 35. – URL: <http://psystudy.ru> – 0.72 п. л. [ИФ РИНЦ = 1.431].

2. Краснов, Е.В. Предикторы личностного выбора на материале методики эмоционального предвосхищения / Е.В. Краснов, М.А. Чумакова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – № 4. – С. 37-55. – 0.87 п. л. / 0.43 п. л. [ИФ РИНЦ = 0.938]. RSCI.

3. Краснов, Е.В. Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности как предикторы результативности деятельности военных руководителей / Е.В. Краснов, Т.В. Корнилова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2016. – Вып. 3. – С. 28–43. – 1.07 п. л. / 0.53 п. л. [ИФ РИНЦ = 0.278].

4. Краснов, Е.В. Личностные свойства и интеллект как предикторы принятия решений в игровых стратегиях Айова-теста (на выборке военных руководителей) / Е.В. Краснов // Экспериментальная психология. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 54-66. – 0.69 п. л. [ИФ РИНЦ = 0.762]. RSCI.

Публикации в изданиях из перечня ВАК:

5. Краснов, Е.В. Когнитивная и личностная регуляция стратегий решения прогностической задачи (на материале Iowa Gambling Task) / С.Д. Смирнов, М.А. Чумакова, С.А. Корнилов, Е.В. Краснов, Т.В. Корнилова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2017. – № 3. – С. 39-59. – 1.31 п. л. / 0.26 п. л. [ИФ РИНЦ = 0.898].

Научные публикации в других изданиях:

6. Краснов, Е.В. Роль эмоционального интеллекта в подготовке юристов / Е.В. Краснов [электронный ресурс] // Материалы Международного молодежного

научного форума «Ломоносов – 2011» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. М.: МАКС Пресс, 2011. – 0.16 п. л.

7. Краснов, Е.В. Эмоциональный интеллект в системе предикторов личностного выбора / Т.В. Корнилова, Е.В. Краснов, Е.М. Павлова // Познание в деятельности и общении: от теории и практики к эксперименту / Под ред. В. А. Барабанщикова, В. Н. Носуленко, Е. С. Самойленко. М.: Изд-во ИМ РАН, 2011. – С. 494-501. – 0.38 п. л. / 0.12 п. л.

8. Краснов, Е.В. Эмоциональный интеллект и принятие решений / Е.В. Краснов // Пятая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов: в 2 т. – 2012. – Т. 2. – С. 465-467. – 0.17 п. л.

9. Краснов, Е.В. Роль подсказки при выборах в вербальных задачах, предполагающих использование эмоциональной информации / Е.В. Краснов // Идеи О.К. Тихомирова и А.В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. – С. 423-425. – 0.18 п. л.

10. Краснов, Е.В. Осознаваемые основания решений при использовании эмоциональной информации у военных преподавателей / Е.В. Краснов // Материалы XIV Международных чтений памяти Л.С. Выготского / Под ред. В.Т. Кудрявцева: в 2 т. – Т. 2. М.: РГГУ, 2013. – С. 75-78. – 0.14 п. л.

11. Krasnov, E.V. Individual differences in Performance on Iowa Gambling Task are Predicted by Tolerance and Intolerance for Uncertainty / S.A. Kornilov, E.V. Krasnov, T.V. Kornilova, M.A. Chumakova // EuroAsianPacific Joint Conference on Cognitive Science (EAPCogSci2015). Torino, Italy (2015, September), <http://ceur-ws.org/Vol-1419/paper0121.pdf>. P. 728-731. – 0.42 п. л. / 0.11 п. л.

12. Краснов, Е.В. Толерантность и интолерантность к неопределенности как предикторы принятия решений и риска в игровых стратегиях Айова-теста / Т.В. Корнилова, Е.В. Краснов, С.А. Корнилов // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. / Отв. редакторы: Ю.И. Александров, К.В. Анохин. – 2016. – С. 339-340. – 0.16 п. л. / 0.05 п. л.

13. Краснов, Е.В. Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности как предикторы результативности деятельности военных руководителей / Е.В. Краснов // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. / Отв. редакторы: Ю.И. Александров, К.В. Анохин. – 2016. – С. 353-355. – 0.19 п. л.

14. Краснов, Е.В. Профессиональные различия в игровых стратегиях Iowa Gambling Task / М.А. Чумакова, Е.В. Краснов // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. / Отв. редакторы: Ю.И. Александров, К.В. Анохин. – 2016. – С. 627-628. – 0.14 п. л. / 0.07 п. л.

15. Краснов, Е.В. Использование эмоциональной информации для совладания с неопределенностью / Е.В. Краснов // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие: Материалы IV Международной научной конференции: в 2 т. / Отв. редакторы: Т.Л. Крюкова, М.В. Сапоровская, С.А. Хазова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. – Т. 1. – С. 299-301. – 0.26 п. л.